

Говард Филлипс Лавкрафт

Соня Грин

Четыре утра

(Four O'Clock)

Ближе к двум ночи я понял, что час грядет. Мрачное молчание бездонных глубин потемневшего неба возвестило его приближение, и молчанию вторил чудовищный сверчок, застрекотавший с настойчивостью слишком зловещей, чтобы показаться простой случайностью. Все решится в четыре утра – в предрассветном сумраке, как и предсказывал казненный безумец. Я не поверил ему тогда, ибо кто страшится угроз, слетающих с губ умирающего? Несправедливо винить меня в том, что выпало испытать ему в то далекое утро – ужасное утро, воспоминание о котором никогда не покинет меня. Когда же свершилась казнь, и труп его был погребен на старинном кладбище – через дорогу от моих окон, – я уверился, что его проклятие не коснется меня. Разве не на моих глазах его безжизненные останки надежно присыпал свежий земляной холм? Мог ли я тревожиться, зная, что его истлевшие кости будут бессильны принести мне гибель в столь точно назначенный день и час? Такими были мои мысли до этой пугающей ночи – ночи, когда взбунтовался хаос и рухнула бездна, осыпав мир искрами леденящих предзнаменований.

В этот вечер я рано отправился спать, напрасно надеясь украсть несколько часов сна вопреки пророчеству, преследовавшему меня. Теперь, когда время близилось, мне было гораздо труднее бороться со смутными страхами, угнездившимися в глубинах моих мыслей. Прохладные простыни успокоили мое разгоряченное тело, однако ничто не могло умерить жар, пожиравший мой мозг. Изнемогая от бессонницы, я метался в отчаянной попытке забыться и сном прогнать зловещее предсказание о том, что должно произойти в четыре утра.

Тревога и бессонница... не породило ли их мое окружение: гибельное соседство, в котором я прожил долгие годы? Зачем, горько вопрошал я себя, в эту дьявольскую ночь я позволил обстоятельствам замкнуть себя в этом доме и в этой комнате, окна которой вперились в пустынную дорогу и старое деревенское кладбище за ней? Мельчайшие подробности бесстрастного города мертвых встали перед моим мысленным взором: его выбеленная ограда, призрачно возвышающиеся серые гранитные кресты и зыбкая аура тех, кто многие годы давал кров и стол гробовым гостям. Постепенно сила воображения увлекла мой взор дальше, в глубины, удаленные и менее доступные смертным; под неухоженными травами я увидел безмолвные тела обитателей, чья аура плыла над землей: покойников, гниющие трупы, трупы, отчаянно изогнувшиеся в своих гробах, прежде чем сон упокоил их, и недвижные кости, застывшие в тлении, – от побелевших скелетов до скромных горсток пыли. Больше всего я завидовал пыли... Холодный ужас

охватил мое существо, когда фантастический вид оборвался его могилой. Не осмеливаясь заглянуть в эту мертвящую бездну, я едва удержался от крика; однако неведомая сила остановила злбную волю, увлекавшую мой мысленный взор. Внезапный порыв ветра, возникший ниоткуда среди спокойствия ночи, отбросил оконные шторы, открывая моим распухшим от бессонницы глазам ветхое кладбище, притихшее в призрачных лучах предутреннего светила.

Однако милосердие, дарованное мне этим порывом, оказалось скоротечным и полным сокрытого смысла. Ибо как только мои глаза охватили залитую лунным сиянием окрестность, среди мерцающих за дорогой могил возникло новое знамение – на этот раз слишком очевидное, чтобы приписать его воображению. С неясным предчувствием обернувшись туда, где покоились его тлеющие останки, – оконная рама мешала взгляду, – я с тревогой постиг приближение неопикуемой массы, угрожающе плывущей к дороге; смутные, клубящиеся облака серого тумана, неясные и разреженные пока, но с каждым мгновением набирающие грозную, разрушительную силу. Взывая к природному объяснению этого феномена, я почувствовал мрачную предопределенность, медленно вползавшую в мой мозг среди новых предчувствий и страхов. Нельзя сказать, чтобы дьявольская кульминация, свершившаяся следом, явилась неожиданной для меня; знамение приближающейся смерти оказалось равно простым и ужасающим. С каждым мгновением густея и уплотняясь, туман утрачивал свою прежнюю полупрозрачность: обращенная к дому поверхность постепенно обрела округлые очертания, слегка прогнувшись посредине. Движение клубящейся массы прекратилось, и сероватое облако замерло у обочины дороги. Легко колышась во влажном сумраке ночи, туман растягивался и уплотнялся, непрерывно видоизменяясь, – до тех пор, пока призрачный свет луны не осветил бледный циферблат гигантских, наполненных воздухом часов.

С этого момента жуткие изменения следовали в демонической процессии. Внизу, в правой половине гигантского циферблата, зашевелилась уродливая тварь, бесформенная и едва различимая, но с жадностью протягивающая ко мне четырехпалую руку с длинными, острыми когтями. Дуновение гибели притаилось в их форме и расположении, ибо зловещие очертания руки угрожающе точно совпали с цифрой IV на призрачном циферблате смерти. Спустя немного времени чудовищные пальцы, извиваясь, выползли из вогнутой поверхности часов и каким-то непостижимым образом стали стремительно приближаться к моему дому. Длинные, истонченные ногти, как оказалось вблизи, оканчивались отвратительными щупальцами, похожими на нити; словно наделенные собственным разумом, они непрерывно покачивались – вначале медленно, но постепенно убыстряясь, лишая меня чувств стремительностью своих движений. Подобно кульминации, возвещавшей завершение жуткой сцены, до моего слуха донеслись неясные и загадочные шумы, пронизавшие напряженную тишину ночи; тысячекратно усилившись, они в один голос, напоминали мне о ненавистном часе. Четыре утра. Тщетно я кутался в одеяло, пытаюсь заглушить их; тщетно пытался утопить их в собственных криках. Обессилевший и неподвижный, я с губельной ясностью воспринимал все шорохи и звуки, наполнившие спокойствие тьмы, благословенное проклятой луной. Единственный раз я спрятался под покров одеяла – единственный раз, когда стрекот чудовищного сверчка, казалось, грозил разметать мой рассудок, – но хрупкая преграда лишь усилила ужас, обрушив на меня стрекот омерзительного насекомого, словно кузнечный молот.

Покинув бесполезное укрытие, я обнаружил прибавление дьявольских иллюзий. На чистых стенах комнаты, словно повинувшись зову могильного чудовища, насмешливо кружились мириады неведомых существ: черные, серые, белые – порождения кошунственной фантазии, недоступной обычному смертному. Некоторые были бесконечно малы, другие заметно выделялись на их фоне. Каждое из существ обладало собственными жутковатыми чертами, отличавшими их от остальных; в массе же все они повторяли единственную форму, кошмарность которой уравнивала их в размерах. Тщетно, как и прежде, я пытался отбросить ужасы ночи. Кружащиеся на стенах существа убывали и прибывали в размерах, приближаясь и удаляясь всем своим беспокойным сонмом. И вид каждого из них напоминал демонические часы с единственной цифрой на циферблате – холодный час гибели – четыре утра.

Потерпев неудачу в попытках стряхнуть цепи безжалостного кошмара, я снова взглянул в распахнутое окно и увидел чудовище, поднимающееся из могилы. Жутким был его облик прежде – неопишущим он стал теперь. Зыбкий туман, слагавший его тело, поглотили языки красного, пагубного пламени; четыре когтистых щупальца оплетали его подобно пожару. Из темноты на меня смотрели его глаза – насмешливые, издевательские; объятые пламенем щупальца извивались в застывшей тишине, отбивая такт для крошечных двойников, отплясывавших на стенах дьявольскую сарабанду, в вихре которой скакали, скользили, прыгали, усмехались и грозили мрачные цифры – четыре утра.

Где-то далеко, за болотной топью, над спящим морем зашелестел утренний бриз: едва различимый вначале, он набирал силу, шумел, пока не разрешился звенящей какофонией, донесшей зловещее предупреждение: «Четыре утра, четыре утра, ЧЕТЫРЕ УТРА». Монотонный шепот перешел в оглушающий рев, словно вулканическое извержение, достигшее пика. Оглушающий грохот растворился вдали, оставив в моей голове гул, подобный тому, который оставляет проносящийся мимо поезд: пустая платформа и страх, соединившиеся в безысходности...

Конец совсем близок. Все звуки и видения слились в беспорядочный, клокочущий гибельную угрозой водоворот, где сплелись все кошунственные предутренние часы, существовавшие задолго до появления времени и обреченные существовать до конца вечности. Пылающий зверь приближается: его обугленные щупальца протягиваются к моему лицу, когти жадно прикасаются к горлу. Сквозь перящиеся, флуоресцирующие испарения могильного воздуха я различаю его лицо; опустошающая боль пронзает мое сознание, когда из серых клубов тумана надвигается жуткая химера, восставшая из непокойной могилы. Теперь мне ясно, что роковая гибель предрешена; бессвязные угрозы безумца были дьявольским проклятием, и моя невинность не устоит против злой воли, жаждущей беспричинного мщения. Он полон решимости отплатить мне за муки в тот призрачный час: потусторонние силы увлекут мое тело за грань, отделяющую этот мир от реальных, известных лишь безумцам и одержимым дьяволом.

Среди бурлящих языков пламени и завываний проклятого, чьи сатанинские когти нацелились на мое горло, я различаю слабое шипение часов над камином, — шипение, возвестившее об исполнении срока, вскипающего в скрежещущей глотке могильной твари... Проклятый час преисподней — ЧЕТЫРЕ УТРА.

Перевод: Александр Бутузов, 1992 год